

УДК81'276.2:[811-161.1+811.111]
ББК 81.2 Англ+81.2 Рус

Е.А. Редкозубова

**СЛЕНГ КАК
ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНАЯ
ФОРМА ЯЗЫКА: СТЕПЕНЬ
АВТОНОМНОСТИ**

Статья посвящена изучению степени автономности сленга как формы существования языка. Автор отходит от традиционного понимания сленга как нестандартного словаря и обращается к исследованию его грамматических особенностей.

Ключевые слова: *сленг, жаргон, лексика, грамматика, экзистенциальные формы.*

Редкозубова Екатерина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и словесности Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-928-139 -97-98
E-mail: kateredkozubova@mail.ru

Экзистенциальная форма языка как базовая категория реализуется в трех видах своего воплощения, представленных соответствующими реальными языковыми формами, различающимися степенью своей автономности: 1) полностью автономные формы существования языка – национальные языки и территориальные диалекты; 2) полуавтономные экзистенциальные формы языка – этнолекты и социолекты, подчиненные литературной форме как ведущей автономной форме, обеспечивающей коммуникацию; 3) неавтономные формы существования языка – элементы лексического и грамматического просторечия, коллоквиализмы, сленгизмы, подчиненные целостному языковому коду – литературному языку, обеспечивающему коммуникацию в данной лингвокультуре. См., например: [Перрон, с. 11].

Традиционное понимание сленга состоит в его соотношении именно и только с лексическим уровнем, что проникает даже в дефиниции: типично определение сленга как нестандартного **словаря**, состоящего главным образом из звучащих по-новому синонимов стандартных слов и выражений. Ср.: «Общий сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы), обозначающие бытовые явления и предметы...» [Хомяков, с.11]. Цель данной статьи – показать, что отнюдь не только словарь составляет особенность сленга, что, кроме названных

частей речи, для сленга характерны и некоторые другие, а также отдельные лексико-грамматические группы внутри части речи.

Большую часть сленговых словообразовательных формантов составляют их аналоги в литературном языке, однако есть и исключения. В словарях сленга [Матюшенко] отмечаются особые суффиксы (-дзе: *веселидзе, вспоминадзе, лохидзе*; -евич: *кадревич, битлевич, нестыкевич*). Можно указать на специфические форманты, характерные прежде всего для русского сленга, например суффиксы: **-ак(-як)** – *западляк, нагляк, пивняк, неудобняк, депресняк, голяк, чистяк, видак, дубак*¹ и под.; **-ан** – *друган, братан, глупан, бошкан* (умный человек), *полкан* (полковник), *Колян* и под.; **-ар(а)** – *водяра, ментяра, носяра, котяра* и под. В английском сленге существует специфический формант для передачи иронии: префикс *Mc-* для обозначения среднего и низкого качества товара, продукта, услуг, квалификации: *McPaper* ‘слабо, поспешно выполненная курсовая работа’, *McTheatre* ‘посредственный театр’ и т.д., например: *McScool, McFirm, McWife, McJob, etc.*

Сленговым образованиям свойственна системность на уровне словообразовательных гнезд. Ср.: **Понт** (и многочисленные производные – *понтерщик, понтить, понтовать, понтовый, понтяра*, а также ФЕ: *понты голимые, понты корявые, гнилой понт, крутить понт* и под.); **Тусовка, тусовщик, тусоваться**. Ср.:

«Тусовка стала моей работой. Большинство славных представителей московской тусовки, несмотря на проживание в окрестностях Рублевского шоссе, не умеют внятно излагать свои мысли... Я выгляжу как заядлый тусовщик (я и есть он)... Московская публика ходит в рестораны не есть, она ходит тусовать.»[Минаев, с. 300].

В области словообразования только сленгу свойственно такое явление, как дезаббревиация. Дезаббревиатуры – «вторичные» образования, существование которых обуславливается и поддерживается соответствующими аббревиатурами. Дезаббревиатуры способны выполнять функцию криптолалии (тайноречия) и людическую (игровую) функцию. Рабство, тяжкий низкооплачиваемый труд и вековая зависимость от белого населения были причиной образов, легших в основу таких единиц черного сленга, как *BMW (BlackManWorkin')* – ‘работающий негр’ (получение официальной работы долгое время считалось такой же роскошью, как автомобиль концерна БМВ); Ср. примеры «шифровки информации» с помощью сленговых аббревиатур в языке российской молодежи в работе [Россихина, с. 16]: *ДММ* – ‘девушка моей мечты’, *СМ* – ‘смени мозги’. В диссидентских кругах была распространена криптолалическая дезаббревиация *Галина Борисовна* (вместо *ГБ – Государственная безопасность*). Ср.:

«Но самое, конечно, удивительное было, что нас а этом деле не замели. Ведь тогда люди гремели из университета за вещи гораздо более невинные, а нас никто не засек, не заложил. Это говорит о том, что не такой уж всепроникающей была система "стука", что у "Галины Борисовны" не до всех доходили руки.» [Новиков, 2007, с. 215].

А.В. Зеленин обратил внимание на то, что в уголовном сленге чрезвычайно популярен прием побуквенной дешифровки обычных слов, причем эти слова часто используются для татуировок (*босс* – ‘был осужден советским судом’, *Нина* – ‘не был и не буду активистом’, *вино* – ‘вернись и навсегда останься’ и под.). «Аббревиатурное расщепление обычного апеллятива или имени собственного в некоторых маргинальных группах преследует цель шифровки информации криптографическим способом: зрительно татуировка видна и «непосвященному», но ее подлинный (тайный, зашифрованный) смысл известен только «своему», «посвященному» [Зеленин, с. 83]. Таким образом, происходит презентация слова с тем заданным намерением, что эту «внутреннюю аббревиатуру» декодирует член своего круга, сообщества, то есть прочтет, извлечет соответствующие (неязыковые) выводы и выберет адекватные модели поведения с носителем подобной татуировки [Зеленин, с. 85].

Раскодирование названий учебных заведений стало важным компонентом формирования молодежного сленга, для которого характерно ироническое отношение к официальной, в том числе учебной деятельности, еще в 60 – 70 гг. Ср.: *МВТУ* – ‘Могила, вырытая трудами ученых’ или ‘мало выпьешь – трудно учиться’; *БГУ* (Башкирский государственный университет) – ‘башкирский гербарий уродов’; *ЛГПИ* (Ленинградский государственный педагогический институт) – ‘Ленинградский государственный приют идиотов’; Ср. также бытующие в студенческом сленге расшифровки общепринятых сокращенных слов: *отл.* (отлично) – ‘обманул товарища лектора’; *хор.* (хорошо) – ‘хотел обмануть, раздумал’ или ‘хотел обмануть, разоблачили’.

Отметим, что существуют дезаббревиации, которые приближаются к общеязыковым по критериям распространенности, семантической освоенности, известности, узуальности: *ГИБДД* = *гони инспектору бабки (и) двигаи (дуй) дальше*), а есть чисто речевые дезаббревиатуры, которые функционируют «здесь и сейчас» [Светличная, с. 77].

Таким образом, можно указать на особый словообразовательный прием – дезаббревиацию, который не свойственен литературному языку, но характерен для субстандарта (сленга).

Грамматика традиционно связывается с категорией обязательного – облигаторного. Обязательное, «навязываемое» системой языка грамматическое значение сопутствует лексическому. Морфология когнитивна, поскольку она помогает переходить от более «наивного» отражения действительности в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения [Слюсарева, с. 18 – 19]. Когнитивный характер морфологии, по утверждению Е.С. Кубряковой [Кубрякова, с. 25], заключается не только в том, что она связана с познавательными процессами и служит отражением и передачей их результатов, но также в том, что большинство морфологических средств и морфологических операций служит созданию классов противопоставленных слов, причем противопоставленных концептуально. Поскольку в грамматике закодировано значение, грамматические категории фиксируют некоторые семанти-

ческие различия, причем обязательно такие, которые в данном социуме особенно важны.

Грамматика полагается областью более универсальной по сравнению с лексической системой. Между тем можно говорить об отдельных грамматических особенностях подязыков, в частности – сленга. Так, обращает на себя внимание развитость в русском субстандарте категории собирательности: *блатня* – собир. к блатной; *бакланье* – заключенные, которые не пользуются авторитетом; *босота* – то же, что бакланье; *кодло* – шайка. В молодежном сленге популярны слова *гоняра*, собир. – примитивные глупые люди; *гопота*, собир. – агрессивно настроенные подростки; *казанка* – в знач. собир. молодежь, собирающая на тусовку у Казанского Собора; *левые* – собир. чужие, незнакомые люди.

Сленговое собирательное имя бывает более кратким по сравнению с общеязыковым, в нем реализуется весьма популярный в сленге закон экономии языковых средств. Ср. *абитуриенты* и сленговое *абитура*, *абита*; *интура* – собир. от *интуристы*.

Особая оценочность свойственна собирательным именам в сленге, когда они приобретают собирательное значение в качестве переносного, при разрушении границ между лексико-грамматическими разрядами. Так, отвлечённое в общем языке существительное *беда* в молодежном жаргоне приобретает собирательное значение «наркотики». Переосмыслены вещественные существительные «*сажа*» и «*мясо*»: *Саж* – собир. темнокожие. *Мясо* – в знач. собир. арм. – солдаты неквалифицированных войск (стройбат), собир. – рядовые члены группировки рэкетиров, которые непосредственно участвуют в операциях.

В Большом словаре русского жаргона около сотни собирательных имён. Большая часть их, как и в других словарях жаргонной лексики, наименования людей: *алкота* – собир. пренебр. (образовано по модели беднота, сволота); *братва* – члены группировок рэкетиров, криминальных структур в экономике; *зэбы* – собир. сотрудники органов безопасности.

Такое обилие в сленге имен со значением собирательности (при том, что категорию собирательности иногда считают непродуктивной и даже архаичной) объясняется яркой прагматикой собирательных имен, которые передают пейоративную оценку.

Интересно отметить, что распространение в сленге (вместе с особой семантикой) может получить только одна грамматическая форма из парадигмы. Такова форма краткого причастия *схвачено*:

«*Панасючка метнулась в роно. Там у нее было “схвачено”.* Заведующая выслушала с пониманием, потом успокоила.

– *Уголовное дело на вас не завели,* – сказала она. – *Можете со следующей недели приступить к работе. Преподавателем.*

Панасючка молчала. Адаптировалась к неожиданной ситуации.» [Токарева, с.125].

Из всех глагольных форм у сленгового глагола *заклинить* актуальна только безличная форма прошедшего времени:

«Нас заклинило – тебя на Серееже, меня – на том, что ты хочешь уйти.» [из к/ф С. Балабанова «Мне не больно»];

«Почему меня так ранило, или заклинило, выражаясь лексикой моих студентов... Почему я чуть не умер?» [Черникова, с. 210].

По нашим наблюдениям, в русском сленге активно используются слова категории состояния, или, по другой терминологии, безлично-предикативные наречия. Они важны в сленге как обозначения физического, психического и психоэмоционального состояния человека.

Так, слово *фиолетово* с пометами «безл.-предик.», «неодобр.» включает «Толковый словарь молодежного сленга» Т.Г. Никитиной [Никитина, с.748] в значении ‘абсолютно безразлично, неинтересно, все равно’. В этом словаре указано и сленговое значение прилагательного *фиолетовый* – ‘странный, необычный, причудливый, непривычный’, а в сочетании с наречиями *сугубо*, *глубоко* – ‘равнодушный, безразличный к кому-л., чему-л.’: *Отвали ты, я сугубо фиолетовый до твоих проблем; Она его достает стишками своими, а он сугубо фиолетовый.*²

«Если Вам не фиолетово, что смотреть, смотрите Радуга ТВ-3.» (Телереклама, 5 ноября 2011 г.)

В.В. Новиков отмечает, что за жаргонным словом *прикольно* стоит своего рода эстетика, поскольку *прикольно* – это не просто ‘хорошо’; это наличие внешне эффектного приема и тайного послания определенной читательской группе. С пометами *безл.-предик.*, *неизм. в знач. глаг.* в «Толковом словаре молодежного сленга» Т.Г. Никитиной приводятся следующие единицы: *Басяво, нареч.*, *безл.-предик.*, *одобр.* Отлично, превосходно. – *Ну, как тебе у нас? – Басяво, базару нет. Бэд, безл.-предик, прил., неодобр.* Плохо, скверно; плохой, скверный. *Но денег нет на обед – это бэд. Врубакен, неизм., в знач. глаг. Не врубакен, шутл.* Кто-л. не понимает чего-л. *Обломно, безл.-предик.*, Тяжело, неприятно. *Обломно мотаться в такую погоду.*

Таким образом, очевидно, что говорить о сленге только как о лексическом образовании неправомерно. Сленг – это не только лексическая подсистема, но языковое явление гораздо более автономное, чем принято считать.

Примечания

¹ Продуктивность суффиксов позволяет использовать их в качестве рифмы в тех случаях, когда сленг используется с метаязыковой функцией, ср.:

*Науки юношей питают,
Пенсионерам в отрядняк,
В счастливой жизни украшают,
Да и в несчастной, на крайняк*

(Р. Кривицкий). Цит. по: [Шкапенко, Хюбнер, с. 129].

² Ср. комментарий по поводу этого слова в «Словаре модных слов» Вл. Новикова: «Жаргонное наречие, а если уж совсем по-научному – безлично-предикативное слово. Обратите внимание, как мало у нас слов и выражений, означающих заинтересованность и участие: *интересно, любопытно, занятно* – вот почти и все. И какая тьма речевых красок существует для того, чтобы обри-

совать безразличие, равнодушие! Все то нам *до лампочки, до фени, до фонаря, по барабану, по фигу* (и не только по нему). Постоянно люди извещают друг друга о том, что им *все равно, без разницы, однофигственно, параллельно*, а теперь еще и *сугубо фиолетово*.<...> Чем же так провинился перед языком цвет, названный в честь фиалки, цвет, который Даль определял эпитетами «синебагровый» и «густо синеалый»? Да ничем: просто под руку подвернулся. Настолько людям наплевать, какими словами пользоваться, что и *фиолетово* вдруг вылетело из равнодушного рта и залетело в не менее равнодушные уши. В язык культурных людей оно почти не проникло. В прессе удалось выловить буквально единственный случай употребления: *Тамбовчанам не фиолетово, в какой цвет окрасится небо после выборов*. Обратите внимание: с отрицательной частицей «не». [Новиков, 2005, с. 134 – 135].

Литература

Зеленин А.В. Деаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания, 2005, № 1. – С. 78-98.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык. Теория, история, типология. М., 2000.

Матюшенко Е.Е. Современный молодёжный сленг: формирование и функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Минаев С. The телки. М., 2011.

Никитина Т.Г. Толковый словарь молодёжного сленга. М., 2007.

Новиков В. В. Словарь модных слов. М., 2005.

Новиков В. В. Роман с языком. М., 2007.

Перрон В.Е. Субстандартные лексические системы в немецком и русском военном подязыках (контрастивно-социологическое описание) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009.

Росихина М.Ю. Молодежный жаргон в русской и немецкой лексикографии XIX – XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.

Светличная Н.О. Аббревиация и деаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2009.

Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.

Токарева В. Паша и Павлуша. М., 2010.

Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

Черникова Е. Вождление бездны. М., 2008

Шкапенко Т.М., Хюбнер Ф. Русский «тусовочный» как иностранный : учеб. пособие. Калининград, 2003.